

Н. А. БЕРДЯЕВ

**Дух Великого Инквизитора
(По поводу указа митрополита Сергия,
осуждающего богословские взгляды
о. С. Булгакова)**

«Князья народов господствуют над ними,
и вельможи властвуют ими,
но между вами да не будет так»

(Мф 20: 25)

«Мы не с тобой, а с ним, вот наша тайна».

Достоевский Ф. М.

Легенда о Великом Инквизиторе

Указ митрополита Сергия, осуждающий взгляды о. Сергия Булгакова имеет гораздо более широкое значение, чем спор о Софии. Затрагиваются судьбы русской религиозной мысли, ставится вопрос о свободе совести и о самой возможности мысли в православии. Есть ли православие религия свободы духа или инквизиционный застенки? Так как митрополит Сергий, очевидно, признает, за собой и за своим Синодом непогрешимость, превышающую непогрешимость папскую, и хочет ввести католическую практику *index'a*¹, то речь идет о том, что такое православие. Значение указа, осуждающего о. С. Булгакова, не только очень компрометируется, но и совсем аннулируется тем фактом, что м. Сергий книг о. С. Булгакова не читал и составил свое суждение на основании изложения некоего г. Ставровского² и сообщений Фотиевского братства³, т. е. на основании доноса. Если в научной или философской литературе составляют себе суждение о взглядах какого-либо автора, не читая его книг, то это называется недобросовестностью и морально осуждается. Но в литературе административно-правительственной, будь она церковной или государственной, слишком часто основываются на доносах» и шпионских показаниях и там этика, очевидно, другая. Не существует харизмы, допускающей суждение о книгах непрочитанных. Мы тут имеем дело с явлением характерным для нашей эпохи. Это церковный фашизм. Фашизм есть диктатура молодежи над мыслью. Если фашизм со своими насилиями и неуважением к достоинству человека отвратителен в жизни политической, то еще более мерзок он в жизни церковной.

От самого указа на меня пахло затхлой семинарщиной, и я понимаю, как тяжел должен быть конфликт о. С. Булгакова, человека высокой интеллектуальной культуры, со старой семинарщиной, которая разом и отрицает мысль, требует бессмысленной веры, веры в авторитет и пропитана самым вульгарным рационализмом. В указе с порицанием и осуждением о. С. Булгаков называется «истым интеллигентом» и этому, по-видимому, приписываются его «еретические» уклоны. То ли дело, если бы о. С. Булгаков был лавочником или консисторским чиновником, тогда ему, очевидно, были бы открыты тайны православия, закрытые для человека интеллигентного. Православие, по-видимому, понимается, как религия сословно-классовая. Бытовое православие всегда имело особенную склонность к купцам и мещанам. О. С. Булгаков происходит из духовного сословия, он сын священника и воспитывался в семинарии, но он имеет высокий интеллектуальный стаж, прошел сложный путь исканий, его имя вписано в историю русской интеллигенции и этого ему никогда не простит старое классовое, мещанско-семинарское православие. Но это как раз и делает о. С. Булгакова человеком значительной судьбы. К такому человеку недопустимо отношение, проявленное в указе, лишенное всякой христианской любви и всякой благодарности. Совершенно ясно, что м. Сергий отрицает богословскую мысль, отрицает не только свободу мысли, но самую мысль. Богословие должно свестись к писанию семинарских учебников. О. С. Булгаков понимает христианство несколько иначе, чем семинарские учебники. Но понимание христианства в духе этих семинарских учебников и было одной из существенных причин отпадения от христианства значительной части человечества. С такой рабьей и темной религией более развитое человеческое сознание и совесть не могли примириться. Указ м. Сергия хочет вернуть русское православие к тому состоянию бессмыслия, в котором оно находилось в старом Московском царстве, хочет зачеркнуть русскую религиозную мысль XIX и XX вв., единственную, которая была в православии после греческой патристики и византийских течений XIV века. Вся русская религиозная мысль с точки зрения этого указа должна быть признана не ортодоксальной, вся она имеет те или иные «еретические» уклоны. Осуждение о. С. Булгакова есть вместе с тем осуждение Хомякова, Бухарева, Достоевского, Вл. Соловьева, Несмелова, Н. Федорова, хотя они и очень различны между собой. Остается пустыня. Не делая никакого различия между догматами и богословскими учениями, что есть католическая тенденция⁴, м. Сергий принужден отрицать всякое богословское творчество. Творческая мысль требует таланта, данного от Бога, а к таланту

существует *ressentiment*⁵. Это есть православный нигилизм, вражда к культуре. Существуют не только обязательные догматы православной Церкви, но существует и обязательная, единая, богословская доктрина православной церкви, и непогрешимым хранителем этой богословской доктрины является м. Сергий и его синод. Непонятно, откуда взялось такое понимание православия. В православии нет даже обязательных «символических» книг⁶. О. С. Булгакова может утешить то, что не было ни одного учителя церкви, который не обвинялся бы в той или иной ереси. Всякое творческое проявление богословской и религиозно-философской мысли, всякая новая проблематика встречались обвинениями в ереси. Я воспринял указ, как исходящий от религии синагоги, религии книжников и фарисеев. Христианство в истории постоянно перерождалось и вырождалось в религию законничества. Православные митрополиты, хотя и противопоставляли себя католичеству, но постоянно стремились к непогрешимости, к коллективному папизму, который гораздо хуже папизма индивидуального. Греховная воля к власти, к господству и тиранству постоянно терзала христианскую историю, и ею слишком многое объясняется. И тут пора, наконец, исправить несправедливость относительно католичества.

Когда православные критиковали католичество, то они обычно обвиняли его в авторитарности, в отрицании свободы совести и мысли, в инквизиции. Тютчев писал о папе: «Его погубит роковое слово: свобода совести есть бред». Славянофилы, Достоевский, да и все официальные богословы, писавшие против католичества, обличали католический клерикализм насилия, признающего себя непогрешимым иерархического авторитета над совестью и мыслью верующих. Предполагалось, что в православии есть больше свободы духа, нет клерикализма. Но так было лишь, пока нападали на католичество. Когда же обращались к внутренней жизни православной церкви, то никакой свободы не оказывалось, меньше, чем в католичестве. Хомяков, который учил о свободе, как основе православной церкви, не мог в России напечатать своих богословских произведений, должен был их напечатать на французском языке. Бухарев претерпел настоящее гонение. Несмелов должен был переделать заключение своей диссертации о св. Григории Нисском в обратном смысле, чтобы она была принята в Духовной академии*. Вл. Соловьев многого не мог напечатать в России и был всегда на подзрении. Духовная цензура делала невозможной развитие русской

* О своих страданиях от духовной цензуры Несмелов рассказал в личном письме ко мне.

богословской мысли в России. Пусть не ссылаются на зависимость церкви от государства. Епископат всегда отличался низкопоклонством по отношению к государственной власти. Но если бы дать волю епископам, то духовный гнет был бы еще больше. Свободу утверждало не официальное православие, не церковная иерархия, а русский православный «модернизм», более верный истокам христианства. Совершенно тоже было с соборностью. У Хомякова были гениальные интуиции о свободе и соборности, но они не соответствовали фактическому положению православной церкви. Соборность существовала в идее, а не в практике. Нужно решительно сказать, что у католиков гораздо больше свободы мысли, чем у православных и именно не в отвлеченной концепции, а в практике. Поэтому в католичестве возможна была богатая и разнообразная богословская литература. Я не говорю уже о западном средневековье, когда свобода мысли в католичестве была велика, большая, чем в новое время. Поэтому в средневековье возможен был расцвет очень разнообразных, борющихся между собой богословских, философских, мистических школ. Ничего равного этому не было на православном востоке. И сейчас католическая мысль находит возможность двигаться, отвечать на проблемы нашей эпохи без того, чтобы быть окончательно удушаемой. Так, например, среди французских католиков-томистов, т. е. людей дорожащих ортодоксией, создается целое движение неогуманизма, очень радикальное в вопросах социальных и культурных, стоящее на высоте современной проблематики. В этом движении участвуют и священники, монахи-доминиканцы и другие, и их оставляют в покое. Ничего подобного нельзя себе представить в православной среде, среди православного духовенства и монашества, которые прежде всего нуждаются в культуре и просвещении. Самый обскурантский клерикализм возрастает среди православных. У нас есть только одиночки, находящиеся в трагическом положении. Для этой мучительной темы я считаю наиболее потрясающей судьбу «Легенды о Великом инквизиторе». Ее очень приветствовал К. Победоносцев, которого вся мыслящая Россия считала Великим инквизитором. Это недоразумение возможно было только потому, что он относил Легенду о Великом инквизиторе исключительно к католичеству и не допускал мысли, что она может относиться и к православию. По-видимому, и сам Достоевский недостаточно понимал то, что он написал в гениальной Легенде, и, может быть, испугался бы ее последовательных выводов. В действительности в Легенде Достоевский восстал против всякой религии авторитета, как соблазна антихриста, где бы и когда бы она ни проявилась. Это небывалый гимн свободе Духа, самая крайняя форма религиозного анархизма. Легенда имеет католическое обличье, но она относится

не только к католичеству, она относится и к православию, как относится и к авторитарной религии атеистического коммунизма. Авторитет в религии для Достоевского есть дух антихриста, принятие искушения, отвергнутого Христом в пустыне. И этому соблазну подвергались все исторические церкви. И всегда оправдывались так, как и Великий Инквизитор, заботами о «малых сих». Указ м. Сергия вполне в Духе Великого Инквизитора, но без поэзии и меланхолии последнего. Нужно перестать обвинять католичество, лучше на себя оглянуться. Если русскому христианству предстоит возрождение, то оно должно преодолеть свое самодовольство, свой затхлый провинциализм, свой нехристианский национализм, оно должно войти в мировую ширь.

Я не духовное лицо, не догматик и не богослов, я вольный философ, и потому в критике указа м. Сергия я буду стоять на иной почве, чем та, на которой принужден стоять о. С. Булгаков. Спора о ересях я не принимаю и попытаюсь дать свой психологический и социологический анализ понятий ортодоксии и ереси. Как философа меня поразило то, что м. Сергей говорит о Платоне и Плотине, величайших философах древности. Он считает предосудительными ссылки о. С. Булгакова на Платона и Плотина и видит в этом изобличение источников богословских «ересей» о. С. Булгакова. Ему кажется ясным, что этими источниками является языческая философия. Нужно решительно протестовать против самого этого выражения, затхло семинарского. Философия Платона и Плотина есть не языческая философия, а просто философия. Непонятно, какую философию м. Сергей признал бы допустимой. Не философию Канта и Гегеля, и вряд ли философию св. Фомы Аквината и Дукса Скота. Ясно, что он вообще отрицает философию и считает ее делом нечестивым. Но этим самим он должен отрицать и богословие, так как богословие невозможно без философии, без категорий мысли, выработанных философией. Слишком известно, что греческая патристика была пропитана греческой философией, неоплатонизмом, св. Иоанн Дамаскин, величайший авторитет православия, был проникнут аристотелизмом, как и западная схоластика. Не думает ли м. Сергей, что православие есть чистый фидеизм или что-то вроде религии чувства? Но тогда он гораздо ближе к некоторым протестантским течениям (Шлейермахер, Ричль), чем к греческим учителям церкви. Бесспорно о. С. Булгаков платоник. Сам я не платоник и исповедую, вероятно в глазах м. Сергия, гораздо худшую философию, чем платонизм. Но интересно знать, с каких пор быть платоником есть ересь и преступление? Конечно, богословие о. С. Булгакова есть гнозис, религиозное знание, а не административный синодальный указ. Но это не зна-

чит, что он имеет что-либо общее с Валентином или Василидом. Думаю, что ничего общего не имеет. Гностики имели дуалистическую тенденцию, что совершенно противоположно софиологии. Да и что известно о гностиках, кроме того, что писали о них враги, искажавшие их идеи? Боюсь, что о гностиках знают столько же, сколько м. Сергей узнал об идеях о С. Булгакова по изложению г. Ставровского. Но в свободных и цивилизованных государствах ревнителем ортодоксии не дано права истреблять произведения тех, кого они обличают в ересях. Несмотря на смутность богословских идей, выраженных в указе м. Сергия, одно ясно — он стоит исключительно на сотериологической почве, т. е. допускает лишь мысль, относящуюся к спасению. Это очень характерно и вполне понятно. Исключительно сотериологическое, т. е. утилитарное понимание боговоплощения, сведение всего христианского мирозерцания к сотериологии дает возможность укреплять организацию власти. За этим скрыты инстинкты господства и власти. Те, которые держат в своих руках ключи спасения, властвуют над человеческими душами. Это очень выгодно для теории Великого инквизитора. В указе о С. Булгаков обвиняется даже в отрицании вечных адских мук, хотя об этом ничего нет в его книгах. Но это излюбленный мотив сотериологических течений. Именно учение о вечных адских муках всегда было главной опорой власти, господства и религиозной тирании. В споре м. Сергия с о. С. Булгаковым мне представляется самым важным не вопрос о Софии, а вопрос о боговоплощении. Есть ли боговоплощение исключительно дело спасения или оно есть продолжение миротворения? Есть ли вочеловечение Сына Божьего случайность, вызванная грехом, исправление ошибки или оно входит в план миротворения? И не есть ли боговоплощение мировой божественный процесс? М. Сергей отрицает основную идею, выношенную всей русской религиозной мыслью, идею Богочеловечества, он отрицает сообразность между Божеством и человечеством, человечность Бога и человечность христианства, и этим он возвращается к до-христианскому сознанию, которое, впрочем, всегда играло большую роль в официальном христианстве.

Перехожу к основному вопросу об ортодоксии и ереси. Для меня совершенно ясно, что понятия ортодоксии и ереси носят социологический характер. Ортодоксия есть религиозное сознание коллектива и за ней скрыто властвование коллектива над своими членами. Это есть организованное господство рода над индивидуумом. Природа ортодоксии и ереси очень ясна в русском коммунизме. Вся советская коммунистическая философия стоит под знаком различения ортодоксии и ереси, а не истины и заблуждения. Через ортодоксию центральные органы коммунистической партии властвуют

над человеческими душами. Это тоже есть своеобразная, антихристианская сотериология. Еретики обрекаются на гибель. Это есть подражание тому, что раньше утверждалось в религиозной сфере. За исканиями и осуждениями ересей всегда были скрыты инстинкты власти и инстинкты садизма, который вообще играл огромную роль в религиозной истории. Все учение об аде есть порождение садизма одних и мазохизма других. Осуждение ересей всегда имело церковно-политические мотивы, и за ним всегда скрывалась злобность. Совершенно ошибочно думать, что пафос ортодоксии есть пафос истины. Ортодоксия и истина совершенно разные понятия и за ними скрыты разные мотивы. Пафос ортодоксии есть пафос властвования, господства и принудительного единства, а не пафос истины и познания. Ортодоксальная доктрина не есть познание и отрицает познание. Она всегда носит утилитарный характер. Пусть лучше консервативные ортодоксы не ссылаются на любовь к истине, это им не к лицу. Именно они не только мирились с бесовским искажением церковными историками исторической истины, но и отлучали тех, которые историческую истину защищали. Немецкая протестантская наука, имеет огромные религиозные заслуги, именно потому, что она искала истины. Фальсификация истории есть специальное порождение ортодоксии. Ортодоксия марксистская не отличается тут от ортодоксии религиозной. Истина раскрывается лишь через свободу, а не через авторитет, удушающий мысль. Властвование в церкви носит социальный характер и во всем подобно властвованию в государстве или в первобытных ордах и племенах. Все тут обратно Евангелию, обратно Царству Духа, все основано на неверии в Дух. Христианская реформа требует окончательного преодоления понятий ортодоксии и ереси, как имеющих явно социальный и утилитарный характер, и замены их понятиями истины и заблуждения или лжи. Истина дает свободу, освобождает, ортодоксия же порождает инквизиционный застенки и дает свободу лишь садическим инстинктам властвующих. Христос о себе сказал, что он есть истина, а жаждущая власти система понятий говорит, что она есть ортодоксия. Христос сказал также, что он есть путь и жизнь. Ортодоксия же отрицает путь и жизнь. Если уже употреблять это слово, то единственная настоящая ересь есть ересь против христианской жизни, а не ересь против доктрин и той или иной системы понятий. Указ м. Сергия и есть ересь против христианской жизни. Именно из стремления к истине и из любви к истине человек может отвергнуть систему понятий, которая объявляет себя ортодоксией, но с которой не мирится чуткая совесть, не мирится интеллектуальная честность. Докматы лишь символы духовного опыта и духовного пути, а не застывшая система поня-

тий, не интеллектуальной доктрины, которые всегда принадлежат времени и меняются. Религиозная истина может быть принята лишь активно целостным духом человека, его просветленным разумом и совестью. Никто кроме раба не может принять навязанную авторитетом доктрину, если совесть ее не приемлет, если свобода на нее не соглашается. Без моей свободы ничто для меня не имеет смысла. Феноменологически свободе принадлежит примат над авторитетом. Авторитет существует, если в него верят. Но это значит, что вере принадлежит примат над авторитетом. И в католическом мире, когда авторитет пытается насиловать совесть и сознание католиков, то никто по-настоящему не принимает этого насилия. Или молчат и скрывают свои мнения, или разрывают. Религиозная жизнь относится к духовному плану бытия, и значит, в ней ничто не имеет смысла без свободы. Но авторитет пытается господствовать через террор, связанный с угрозами гибели и вечного ада. В этом его низость, лишаящая духовную жизнь всякой ценности. Это есть религия в социальном, а не в духовном плане. В «Указе» м. Сергия я вижу то же неверие в дух, ту же веру в средства, подобные средствам государства, взятые из мира социальных отношений господства, что во всех церковно-административных и правительственных актах. Люди церковного авторитета — малoverы, они отрицают дух, верят лишь в мир видимых вещей и его методы. Дух Божий действует лишь через Дух. Не может быть критерия св. Духа, взятого из низших сфер бытия, сам св. Дух есть критерий.

Сознание консервативных церковных людей, особенно людей церковной власти, предшествует критике познания, оно находится в стадии наивного реализма. Поэтому не понимают двучленности откровения, не понимают активности человека в принятии откровения, отношение между Субъектом и объектом откровения истолковывают наивно-реалистически. Откровение предполагает не только Бога, но и человека. Не может быть откровения куску дерева или камню. Дух открывается лишь духу, и человеческий дух всегда активен в принятии откровения. Откровение преломляется в человеческой стихии и ею обуславливается, оно выражается на человеческом языке и в категориях человеческой мысли. Отсюда ступени откровения. Отсюда развитие. Отсюда относительность и условность многого признанного священным в прошлом, но связанного с человеческой ограниченностью. Отсюда и неизбежность постоянного очищения христианства. Структура человеческого сознания меняется, духовное состояние человека бывает разное. Человек творчески реагирует на то, что ему открывается свыше. Перед человеком, как свободным духом, ставятся все новые проблемы и требуют ответа. Есть проблемы, которые совсем не были

поставлены вселенскими соборами. Проблемы космоса и человека, тайна тварного мира совсем не предстояли вселенским соборам и учителям церкви. Нет догматов о человеке и космосе, есть лишь догмат о Св. Троице и Христе. Поэтому неизбежны догматическое брожение и борьба. Я не являюсь сторонником учения о Софии по сложным философским основаниям, но признаю большое значение за проблематикой связанной с этим учением. У меня есть беспокойство, связанное с учением о Софии, обратное беспокойству консервативных ортодоксов, я боюсь возможных консервативных выводов из этого учения, боюсь сакрализации в истории того, что не может быть сакральным, напр., теократического государства, собственности, форм органического бытия и т. п. Но я солидаризуюсь с о. С. Булгаковым в его новой проблематике и в его борьбе за свободу религиозной мысли. Мне иногда кажется, что если бы не употребляли греческое слово София, а употребляли лишь русское слово Премудрость, то оставили бы в покое. Это показательничества и жалкости человеческих обвинений.

Указ м. Сергия как будто бы предполагает, что всякий член Московской Патриаршей Церкви должен разделять богословские мнения, выраженные в указе и присоединиться к осуждению о. С. Булгакова. Тема указа, по моему убеждению, не имеет никакого отношения к церковным распрям о юрисдикции. Но как член этой Церкви я должен решительно заявить, что отношусь к осуждению о. С. Булгакова с величайшим негодованием, как к обскурантскому насилию над мыслью и богословские идеи этого указа не только не разделяю, но считаю стоящими на очень низком уровне мысли. Отсюда могут сделать относительно меня соответствующие выводы. Но заранее должен сказать, что не подчиняюсь никакому насилию над человеческой совестью и мыслью. Печально думать, как гонимые легко превращаются в гонителей. Я остаюсь в Церкви Христовой, основанной на любви и свободе. За свободу и творчество в религиозной жизни, за достоинство человека нужно вести героическую борьбу, истина не есть вещь, предмет, не есть падающая с неба система понятий, она творчески раскрывается и завоевывается в пути и в жизни, истина дана не для сохранения в каком-то месте, а для осуществления в полноте жизни и для развития.

